

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Концевая В.А. О правонарушениях китайских мигрантов и реакции местных властей на территории российского Приамурья в конце XIX – начале XX в // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.4.75323 EDN: KSZHW E URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75323

О правонарушениях китайских мигрантов и реакции местных властей на территории российского Приамурья в конце XIX – начале XX в.

Концевая Виталина Андреевна

ORCID: 0000-0002-1793-098X

аспирант, кафедра всеобщей истории; ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет»

656031, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, Железнодорожный р-н, ул. Молодежная, д. 55

✉ vita.k98@mail.ru

[Статья из рубрики "История государства и права"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.4.75323

EDN:

KSZHW E

Дата направления статьи в редакцию:

28-07-2025

Дата публикации:

19-08-2025

Аннотация: Статья посвящена изучению правонарушений, совершаемых китайским населением на территории российского Приамурья в конце XIX – начале XX века. Отношения мигрантов с местной властью складывались весьма непросто. Виной возникающих проблем чаще всего являлось поведение мигрантов и настороженное отношение к ним местного населения. В работе проводится анализ обстоятельств, способствовавших совершению правонарушений среди китайцев. Особое внимание уделяется типам преступлений, распространённым среди мигрантов, и реакции местных властей на данные явления. В источниках различного вида, отражающих события рассматриваемого периода, встречается информация о нарушениях российских законов со стороны китайского населения. В свою очередь жалобы самих мигрантов позволяют

сделать вывод об отношении к ним российских властей. Исследование основано на анализе документов из Архива внешней политики Российской империи, судебных материалов и периодической печати. Новизна работы заключается во ведении в оборот новых архивных источников по проблеме. В ходе исследования автор приходит к выводам, что в конце XIX – начале XX в. китайские мигранты в ходе адаптации к условиям жизни на новых территориях совершали правонарушения различного рода. Правонарушения, совершенные китайскими мигрантами, варьировались от мелких проступков, связанных с нарушением местных норм и обычаев, до более серьезных преступлений, таких как контрабанда, спекуляция и даже преступления против личности (убийство, грабеж, кражи и т.д.). Основной причиной совершения преступлений китайцами являлись экономические трудности. Это усугублялось недостаточным контролем миграционного процесса со стороны местных властей, нехваткой кадрового состава, малочисленностью местного населения, а также невмешательством в дела мигрантов со стороны цинского правительства.

Ключевые слова:

Китайская империя, Российская империя, Дальний Восток, китайская миграция, мигранты, хунхузы, контрабанда, опиум, правонарушения, преступления

Во второй половине XIX в. после подписания ряда дипломатических договоров между Российской и Китайской империями, под влиянием обострившегося внутреннего кризиса (внутренний экономический кризис, приведший к социальным проблемам в виде тайпинского и ихэтуанского восстаний) и сложного международного положения (опиумные войны, и, как следствие, вмешательство иностранных государств, японо-китайская война, аренда территорий европейскими странами, Японией и Россией) на российскую территорию начали все более активно мигрировать китайские подданные. При этом отношения мигрантов с местной властью складывались весьма непросто. Виной возникающих проблем чаще всего являлось поведение мигрантов и настороженное отношение к ним местного населения. В источниках различного вида, отражающих события рассматриваемого периода, встречается информация о нарушениях закона со стороны китайского населения. В свою очередь жалобы самих мигрантов позволяют сделать вывод об отношении к ним российских властей.

Проблему миграции китайского населения изучали такие исследователи, как В. Г. Дацышен [12], О. В. Залесская [13], А. Г. Ларин [14], Е. Ю. Башкуева [9], Г. К. Эзри [17], Г. Н. Романова [16] и другие. Однако их работы были сосредоточены на выявлении количества китайских мигрантов в той или иной области Российского государства, анализу их хозяйственной деятельности и политики российских властей в отношении подданных Поднебесной. Правонарушения, совершенные подданными Цинской империи на российской территории, рассматриваются в этих работах фрагментарно. В данной работе на основе уже имеющихся исследований, публицистических материалов конца XIX в., введенных в оборот источников из Архива внешней политики Российской империи, а именно, документов (распоряжения генерал-губернаторов, пограничные отчеты, другие делопроизводственные материалы) фонда 143 - Китайский стол и фонда 327 - Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе, 1869-1918 гг., удалось выявить особенности нарушения законов китайскими мигрантами.

Активизация миграционного процесса граждан Китая в Российскую империю

прослеживается с 70-х гг. XIX в. Это объясняется заключением Пекинского трактата и ухудшением социально-экономической ситуации внутри самого Китая. Одновременно с увеличением количества мигрантов отмечается рост преступлений этой категории людей на территории Российской империи.

Все правонарушения китайцев можно условно разделить на экономические, преступления против личности, преступления, связанные с нарушением режима государственной границы.

В череде различного рода правонарушений, совершаемых мигрантами, самыми распространенными являлись экономические преступления. В отличие от Китайской империи на территории которой было запрещено производство опиума, в российском законодательстве в конце XIX в. подобного запрета не было. Это законодательство предусматривало только ограничение ввоза и вывоза опиумного сырья из страны. Опиум использовался в России в качестве лекарства и продавался только по рецептам врачей. В тоже время большая часть мигрирующих китайцев была представлена земледельцами, которые помимо выращивания пшеницы, ячменя, кукурузы, сеяли также мак для производства ханшина, сули (китайский спирт) и опиума.

Местная власть пыталась ограничивать данный вид деятельности мигрантов. Так, в марте 1887 г. Приамурский генерал-губернатор отдал распоряжение о запрете ввоза во Владивосток опиума. Этим распоряжением разрешалось ввозить лишь определенное количество продукта, которое должно было выписываться работниками аптек для медицинских целей [7 с. 4-9]. В июне этого же года этот запрет (с правом конфискации) был введен. Также существовали отдельные распоряжения, ограничивающие вывоз опиума [10 с. 141]. Однако, несмотря на вводимые ограничения, производство опиума не уменьшалось, потому что выращивание на российских землях мака – не запрещалось. По данным В. К. Арсеньева в 1897 г. на территории Дальнего Востока экспорт опиума составил 200 пудов. В его работе даже подробно описывается процесс изготовления опиума из мака [8 с. 141]. Активное распространение опиума подтверждается другими фактами. Например, многие из десятков тысяч китайских рабочих работающих на строительстве Сибирской железной дороги, употребляли опиум [13 с. 120-121]. О курении опиума информируют также газетные заметки. Так, они свидетельствуют, что в 1893 г. в Владивостоке под опиокурильни отдано 47 помещений а по статистическим данным из каждого 10 китайцев, опиум не употребляют только 2 человека [6 №10. с. 3].

В первом десятилетии XX в. основным поставщиком опиума являлся Ольгинский уезд, а также Ханкайский и Суйфунский округа. В 1906 г. под посевы мака в Ольгинском уезде было занято 80 десятин земли (всего было 200), в 1910 г из 306 десятин 10 было задействовано в выращивании мака, в 1911 г. – 60 десятин [10 с. 63]. Стоит отметить, что большинство опиумных предприятий располагались вдали от русских поселений, в основном в глухих труднодоступных местах, где китайцы самовольно захватывали участки земли и без уплаты налога за пользование ею занимались производством и торговлей опиумом.

Большого размаха макосеяние с целью производства опиума достигло в именно в 1910 г. Во многом это было обусловлено решением самих властей. В июле текущего года был принят новый закон о «желтом труде», запрещающий наем китайцев и корейцев на казенные работы. Оставшись без средств существования, многие из них устремились из городов в села, где занялись культивированием опиумного мака, что позволяло иметь стабильный заработок [10 с. 63-64].

Между тем, с 1910 г. держателей опиокурилен начали привлекать к уголовной ответственности. Так, с мая по октябрь 1910 г. в о Владивостоке при проверках было обнаружено и ликвидировано 84 китайских заведения, где употребляли опиум [11 с. 121]. В 1914 г. в ходе проверки в китайских кварталах в Приамурском крае было выявлено много фактов употребления опиума. В списке протоколов из 12 китайцев, на которых были заведены дела, 5 дел были из-за организации опиокурилен. Подробно в таблице 1.

Таблица 1. Список протоколов от 1 мая 1914 г [4 л. 10об].

Имя	Нарушение (<i>орфография сохранена из источника</i>)
Лю-то-ен	Притоносодержательство безбилетных китайцев
Цзян-фин	Притоносодержательство безбилетных китайцев
Лю-юн-сун	Притоносодержательство безбилетных китайцев
Чжоу-фу-тин	Не прописка жильцов
Чан-хун-цзын	Организация и содержание опиокурилки
Ван-цай	Организация и содержание опиокурилки
Сун-цзи	Допущение тайной проституции
Цзяо-куй-ву	Содержание опиокурилки
Тай-чи-лин	Содержание опиокурилки
Си-юн-фа	Хранение 9,5 фунтов опиума
Лу-цзяй-тан	Игра в кости
Чжао-сюй-ду	Содержание опиокурилки

В Благовещенске, согласно прошению китайских подданных, проживающих в Китайском квартале, Ли-ту-лян, Хын-тихи-бин, Ко-мин-лин и другие докладывают Тоже самое заведующему кварталом о том, что в городе находится много игорных и опиокурильных домов, разврата, что среди китайцев много воров, потому что они игроки и употребляющие опиум. Писавшие прошение китайцы просили уничтожить китайский квартал, потому что местные власти в виде приграничного комиссара и городских приставов получали с этих незаконных деяний 450 руб. в месяц [4 л. 2]. По итогам данного прошения в течение 4 месяцев, были проведены проверки. Их результатом стало то, что за пределы Российской империи было выслано более 600 человек, конфискованы 8 трубок, 51 лампочки, 2 больших котла красной меди для переварки опиума, 43 головки для новых трубок 12 фунтов опиума [4 л. 10].

Помимо земледелия подданные Цинской империи занимались на территории России различными промыслами. Популярными видами занятий среди китайского населения являлись, например, охота в тайге, собирательство (в частности, сбор женьшеня, грибов, морской капусты) [15 с. 88]. Это объяснялось тем, что данные виды деятельности приносили хороший доход. Китайцы добывали пушнину, панты, корень женьшеня не для личного использования, а для перепродажи. Причем часто все это добывалось незаконно, а затем контрабандой вывозилось через границу. Так, при проверке лавок китайцев иманским уездным начальником 10 мая 1914 г. было обнаружено, что лавки помимо торговли разрешенными товарами тайно обслуживали проникающих в тайгу китайцев и являлись опорными пунктами, откуда получали и сбывали незаконно добываемую продукцию [3 л. 7].

Охота осуществлялась на диких животных: оленей изюбров, кабаргу, белок, медведей, тигров, пушных зверей. В начале XX в. в этом виде деятельности было задействовано около 50 тыс. китайцев [16 с. 125-126]. Охота чаще всего была незаконной, она велась

без официального разрешения, причиняя существенный вред природе края. Интересным представляется тот факт, что китайские власти выражали несогласие с вводимыми Россией ограничениями на промысловую деятельность китайцев в Дальневосточном Крае. Это объяснялось тем, что согласно Пекинскому договору такая деятельность разрешалось. То, что добывалось в ходе охоты и собирательства переправлялось через границы для сбыта на китайских рынках, где товары эти были востребованы. Наряду с этим, незаконно (без уплаты пошлин) мигранты вывозили из Российской империи сахар, опиум, табак, особо ценились пушнина и золото.

Согласно отчетам пограничных комиссаров, китайцы торговали без уплаты пошлин. В результате цены у них были ниже, а значит спрос среди местного населения выше [2 л. 20]. Активная контрабанда товаров являлась следствием «слабого надзора за границей», что объяснялось в свою очередь, нехваткой кадров на пограничных заставах [11 с. 38], [9 с. 24].

Еще одной категорией преступлений были незаконное пересечение границы и незаконное проживание на территории Российской империи - что являлось нарушением режима государственной границы. Для официального легального пересечения границы необходимо было получить разрешения консула, заплатить гербовый сбор, получить годичный билет или паспорт. Процедура была достаточно длительной и довольно дорогой. В результате количество безбилетных мигрантов росло ежегодно. В 1893 г. за получение паспорта для проживания на российской территории китайцу необходимо было заплатить 3 руб. 60 коп., паспорт выдавался на 1 год, в случае его своевременного не продления налагался штраф 5 руб. Для сравнения японцу для получения документа необходимо было заплатить 60 коп, штраф также был 60 коп [6 №40. с. 6]. Однако это была еще не вся стоимость оформления документов. Кроме перечисленного необходимо было оплатить билеты, пропуск через границу, другие гербовые сборы и т.д. Такая разница в ценах была обусловлена количеством мигрантов на российской территории. В случае повторных нарушений правил или безбилетного проживания в России, мигрантов выдворяли за пределы империи. Однако даже это не останавливало китайцев от нарушений. Разнообразие нарушений и рост их числа подтверждается в разных источниках. Например, согласно отчету южно-уссурийского пограничного комиссара, в 1897 г. было арестовано и передано маньчжурским властям 233 китайца [7 л. 19]. Ежегодно количество нарушений не уменьшалось, что можно подтвердить тем, что периодически местные власти пытались изменить правила получения документов китайцами из Поднебесной, усилить контроль за нелегальной миграцией, подобные меры вводились в 1902 г., в 1908 г., однако в целом проблему решить не удавалось. В 1914 г. в отчете комиссара китайского квартала говорится, что ежедневно проходят проверки населения и несколько человек безбилетных арестовывают. В ходе проверки 5 сентября 1914 г. было выявлено 97 человек [4 л. 12]. Причин того, что мигранты постоянно нарушали законодательство было несколько. Во-первых, это, как уже отмечалось выше, неудовлетворительное состояние дел с охраной границ из-за нехватки кадров на заставах, ветхое состояние застав и малое количество застав (некоторые переставали функционировать) [1 л. 4, 9]. Во-вторых, мигранты не оформляли паспорта из-за дорогоизны. При этом они либо приобретали дешевую подделку, либо брали паспорт знакомого, а так как идентичность имени личности, указанной в документе, и человека не проверяли из-за сложности, то мигрант свободно, но, по сути, нелегально оказывался на территории Российской империи. Еще один вариантом нелегального проживания являлась следующая схема: китаец, не имея паспорта, покупал на территории Китая за 3 коп. пропуск через границу, затем на границе оплачивал гербовый сбор в 75 коп., свободно передвигался по городу, не оформляя годовой билет. Этого китайца

арестовывают, высылают, он вновь уплачивает 78 коп. и снова проживает без билета в России [4 л. 12об].

Довольно частыми преступлениями совершающиеся китайскими мигрантами на российских территориях являлись преступления против личности. В перечне таких преступлений указываются убийства, пожары, грабежи, воровство и т.д. Подробней с характером и численностью таких правонарушений можно ознакомится в таблице 2. Данные составлены на основе анализа 52 номеров газеты «Владивосток», где в справочных материалах публиковались уголовные дела, рассматривавшиеся местным судом (стоит отметить, что газета выходила с 1883 г. по 1906 г., на протяжении всего периода встречаются данные о совершении правонарушений китайскими мигрантами). В ходе анализа, выявлено, что доля правонарушений совершенных китайскими мигрантами от общего числа преступлений в 1893 г. составляла 21%.

Таблица 2. Правонарушения в г. Владивосток в 1893 г [6 №1-52].

Категория преступлений	Количество всего	Число китайцев, совершивших преступления	Число китайцев, совершивших преступления в процентах
Убийства	15	4	27%
Преступления против порядка управлений (нарушение лесного устава)	14	2	14%
Преступления против общественного благоустройства (нарушение санитарных норм)	11	4	36%
Преступления, связанные с обманом населения (мошенничество)	15	4	27%
Преступления против личной безопасности (грабеж, нанесение раны, избиение)	14	2	14%
Преступления, связанные с угрозами и насилием	2	1	50%
Повреждение чужой собственности	4	2	50%
Кража	15	2	13%
Оскорбление	12	1	8%
Клевета	2	0	0
Всего	104	22	21%

Основными видами наказаний для осужденных мигрантов являлись: штраф, арест, выдворение за пределы государства. Интересно, то что довольно часто мигранты оказывались не только правонарушителями, но и пострадавшими. Так, из 104 случаев нарушения закона в г. Владивостоке, в 12 случаях потерпевшими были китайцы. В их отношении был совершен: 1 факт мошенничества, 1 – оскорбление, 2 убийства, 3 - причинения вреда здоровью и 5 случаев иных правонарушений. Это свидетельствует о том, что в отношениях между местным населением и мигрантами существовало довольно серьезное напряжение.

Данные о числе и роде преступлений в другом крупном городе Дальнего Востока –

Хабаровске, в целом совпадают с выше рассмотренными. Подробней это можно увидеть в таблице 3. В ней отражено количество преступлений в г. Хабаровск в 1897 г. Доля правонарушений, совершенных китайцами в этом городе также составляла 21%.

Таблица 3. «О числе и роде преступлений в г. Хабаровск в 1897 г. [7 л. 68-69]»

Категория преступлений	Количество всего	Число китайцев, совершивших преступления	Число китайцев, совершивших преступления в процентах
Убийства	5 (1 не раскрытое)	0	0%
Преступления против порядка управлений	9	1	11%
Преступления против общественного благоустройства	62	11	18%
Преступления против здоровья населения	9	5	56%
Преступления против личной безопасности	12	5	33%
Преступления, связанные с угрозами и насилием	48	22	46%
Похищение и повреждение чужой собственности	12	1	8%
Кража	141 (37 не раскрытых)	14	10%
Кража со взломом	19 (7 не раскрытых)	6	32%
Всего	317	65	21%

Помимо тех категорий правонарушений, которые уже были рассмотрены выше, можно выделить еще одно: хунхузничество. Хунхузы – это китайские разбойники, которые совершали нападения на население и убийства с целью грабежа, получения выплат, увода людей с дальнейшей продажи их в рабство, которое почти легально продолжало существовать в Китае. Хунхузами становились безбилетные, обнищавшие крестьяне и торговцы, арестанты [17 с. 202]. Они грабили в основном станции на железных дорогах, людей, живущих в приграничных территориях, однако встречаются случаи, когда хунхузы совершали разбой в городах. Например, известен случай, когда в 1907 г. в Хабаровске хунхузы ограбили магазин китайца Хей-сун-шина, а также мелкие лавки китайских купцов [5 л. 2]. Местные мигранты даже обращались к губернатору Приморской области с ходатайством разрешить им содержать за свой счет сыщиков для поимки хунхузов. Эта инициатива была поддержана и силами местных «благонадежных китайцев» (письмо подписали 35 держателей магазинов) в ноябре 1907 г. (за один месяц) было поймано 3 хунхуза [5 л. 2об]. С данным явлением боролись как местная власть, так и цинское правительство. В китайской империи пойманные хунхузы подвергались казни [5 л. 5].

Однако борьбу с хунхузами на территории российского Дальнего Востока в рассматриваемый период нельзя назвать вполне успешной. Причины неудач были разными. Во-первых, это объяснялось малочисленностью пограничного контингента

войск российской и китайской сторон (чаще всего хунхузы уводили пленных через границу). Например, в отчете чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе встречаются случаи описания обезвреживания хунхузов войсками. Так, в августе 1897 г. вооруженные хунхузы напали около деревни Фаташи на работающих в лесу корейцев и увезли их за границу. Они требовали за пленников выкуп в размере 300 руб. Для обезвреживания этой банды и вызволения пленных была направлена охотничья команда 6-го восточно-сибирского стрелкового батальона. (китайский фудутун был предупрежден об этом случае, однако действий для устранения этой проблемы не предпринято). В итоге корейцы были освобождены, хунхузы частично обезврежены, частично бежали. Однако в отчете при этом отмечено, что сил для борьбы с ними недостаточно [5 л. 4об].

Во-вторых, хунхузов поддерживали проживающие на российской территории китайцы. В ходе рассмотрения дела по вопросу о выдворении за пределы Приморского края китайцев Филиппа Чжань, И-чан-фу, Юк-ван-чен и Тун-та-и были проведены осмотры китайских лавок. Во многих поселениях: в Чугуевской волости, в Кошаровке, в Уборке были обнаружены факты поддержки китайцами таежников и хунхузов [3 л. 8-9об]. Стоит отметить и то, что хунхузы в разное время пользовались материальной поддержкой иностранных спецслужб, например, японской разведки (в период русско-японской войны).

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. китайские мигранты, оказавшиеся на территории российского Приамурья в ходе своей адаптации, не всегда могли интегрироваться в общество. Следствием этой проблемы становилось то, что с их стороны росло количество нарушений законов Российской империи. Правонарушения, совершенные китайскими мигрантами, варьировались от мелких проступков, связанных с нарушением местных норм и обычаев, до более серьезных преступлений, таких как контрабанда, спекуляция и даже преступления против личности. При этом важно отметить, что многие из этих правонарушений были следствием экономических трудностей. Ситуацию усугубляла также то, что в российском законодательстве отсутствовала правовая база, защищающая права мигрантов. Кроме того, рост правонарушений провоцировался недостаточным контролем со стороны местных властей, слабой охраной границ, нехваткой кадрового состава, малочисленностью русского населения, запущенностью и ветхостью пограничных застав. Фактом роста правонарушений со стороны мигрантов также было то обстоятельство, что правительство Цинской империи, за исключением отдельных случаев, не вмешивалось в дела китайцев на территории другого государства.

Библиография

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 1192.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 1355.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 3179.
4. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 327. Оп. 579. Д. 137.
5. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 327. Оп. 579. Д. 251.
6. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета. 1893. № 1-52.
7. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 13.
8. Арсеньев, В. К. Китайцы в Уссурийском kraе: очерк историко-этнографический / В. К. Арсеньев. – Хабаровск, 1914. – 204 с.
9. Башкуева, Е. Ю. Китайские мигранты в Забайкальской области (1860–1917 гг.): автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Е. Ю.

- Башкуева. – Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ, 2004. – 28 с. EDN: ZMXXOH.
10. Буяков, А. М. Наркобизнес в Приморье и на Дальнем Востоке России: исторический экскурс в проблему / А. М. Буяков // Записки Общества изучения Амурского края. – Т. XXVIII. – 1992. – С. 61-69.
11. Граве, В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье / В. В. Граве // Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. – Санкт-Петербург, 1912. – 489 с.
12. Дацышен, В. Г. Китайцы в Сибири в XVII – XX вв.: проблемы миграции и адаптации / В. Г. Дацышен. – Красноярск, 2008. – 306 с.
13. Залесская, О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1858–1939 гг.): диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / О. В. Залесская. – Благовещенск, 2009. URL: <http://pora.zavantag.com/stati/zalesskaya-olega-vladimirovna-kitajskie-migranti-na-dalenem-vo/stranica-1.html> (дата обращения 21.05.2025). EDN: QPMGGJ.
14. Ларин, А. Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк / А. Г. Ларин. – Москва: Восточная книга, 2009. – 512 с.
15. Пржевальский, Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 г. / Н. М. Пржевальский. – Санкт-Петербург, 1870. – 369 с.
16. Романова, Г. Н. Предпринимательство, земледелие и промыслы китайских мигрантов на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.) / Г. Н. Романова // Проблема Дальнего Востока. – 2013. – № 6. – С. 119-130. EDN: RVWIOR.
17. Эзри, Г. К. Китайская миграция на Дальнем Востоке России (1860-е – 1917 гг., 1991–2017 гг.) и проблема безопасности / Г. К. Эзри // Актуальные проблемы современности: материалы 12-й Всероссийской научно-практической конференции, г. Благовещенск, 10 октября 2017 г. – Благовещенск, 2017. – С. 197-208. EDN: ZVBSXV.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «О правонарушениях китайских мигрантов и реакции местных властей на территории российского Приамурья во второй половине XIX – начале XX в.» представляет собой любопытное обращение к специфической стороне двусторонних российско-китайских отношений рубежа XIX-XX вв., а именно нелегальной китайской миграции на территорию Российской империи со всеми вытекающими отсюда правовыми и административными коллизиями. Вопрос регулирования местными и центральными властями вопросов миграции, проблема адаптации мигрантов и сопутствующие этому вопросы являются актуальными и до сих пор, таким образом работа содержит разносторонние, но безусловно представляющие интерес нарративы, выходящие за рамки чисто краеведческого сюжета. В то же время при реализации своего исследования автором допущен ряд досадных просчетов, в первую очередь это касается отсутствия научно-методического аппарата (предмет исследования, источники, обзор литературы, новизна исследования и др.). Временные рамки исследования автор определяет как «вторая половина XIX – начале XX в.», однако в тексте мы видим, что рассмотрение автором заявленной темы начинается лишь с конца 1880-ых гг. и продолжается до 1914 г., причем с достаточно заметными разрывами, что вероятно объясняется спецификой источниковой базы, но поскольку автор никак не комментирует источники, то невозможно понять, почему автор использует газету "Владивосток" только

за 1893 г.; какие именно материалы из фондов АВРПИ использованы автором -также не указано. Содержательно автор периодически допускает достаточно заметные ошибки, причем начиная с первой фразы: «В XIX в. после установления дипломатических отношений между Российской и Китайской империями, под влиянием обострившегося внутреннего кризиса (экономический кризис, приведший к социальным проблемам в виде тайпинского и ихэтуанского восстаний) и сложного международного положения (опиумные войны, японо-китайская война, аренда территорий европейскими государствами, Японией и Россией) на российскую территорию начали все более активно мигрировать китайские подданные». Как известно, дипломатические отношения между Россией и Китаев были установлены в конце XVII века, восстание ихэтуаней достигло своего пика в 1900 г., японо-китайская война и аренда Россией китайских территорий относятся к самому концу XIX века, поэтому авторский тезис о том что все эти события привели к китайской миграции в России на протяжении XIX века неверен. Автор неправомерно утверждает, что «к политическим преступлениям можно отнести незаконное пересечение границы и незаконное проживание на территории Российской империи». Как известно, политическими преступлениями считаются незаконные деяния совершаемые по политическим мотивам против легального государственного строя, тут же речь совсем о другом. Некоторые формулировки требуют большей аккуратности: "Чаще всего хунхузами становились безбилетные, обнищавшие крестьяне", "Немаловажным фактом роста правонарушений .. стало то обстоятельство, что правительство Китайской империи... не вмешивалось в дела мигрантов на территории другого государства -?. Работа вводит в оборот интересные материалы, актуальна по тематике, но требует доработки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена комплексному изучению правонарушений, совершившихся китайскими мигрантами на территории Приамурья в конце XIX – начале XX века, и реакции на них российских местных властей. Автор фокусируется на трех ключевых категориях преступлений: экономических (прежде всего контрабанда и незаконное производство/торговля опиумом), преступлениях против личности и нарушениях режима государственной границы (нелегальная миграция). Особое внимание уделяется феномену «хунхузничества». Предметом также является анализ причин роста преступности среди мигрантов и эффективности мер, предпринимавшихся властями Российской империи.

Исследование базируется на традиционных исторических методах: историко-генетический метод (прослеживается эволюция миграционных потоков и связанной с ними преступности в хронологических рамках исследования), историко-системный метод (рассматриваются правонарушения и реакции властей как элементы сложной системы взаимодействия мигрантов, местного населения, администрации и экономических реалий Дальнего Востока), историко-сравнительный метод (дано сопоставление данных по разным городам (Владивосток, Хабаровск) и видам преступлений), а также количественные методы (проведен анализ статистических данных о правонарушениях, представленных в таблицах (доля преступлений, их виды, динамика)). Основным источником статистики служат материалы газеты «Владивосток» и архивные отчеты. Автор детально анализирует широкий круг источников: законодательные акты, распоряжения генерал-губернаторов, пограничные отчеты, делопроизводственные

материалы АВПРИ (фонды 143 и 327), статистические сводки, публистику (газеты), прошения мигрантов. Критически оценивается их информативность и представительность.

Актуальность статьи не вызывает сомнений. Исследование заполняет значительную лакуну в изучении истории китайской миграции на российский Дальний Восток, смешая фокус с демографии и хозяйственной деятельности на проблему преступности и адаптации, что до сих пор освещено фрагментарно. Анализ правоприменительной практики и эффективности административных мер в специфических условиях пограничного региона представляет значительный интерес для истории права и государственного управления. Проблемы нелегальной миграции, контрабанды, наркоторговли, адаптации мигрантов и их взаимодействия с властями и местным населением остаются острыми и сегодня. Исторический опыт, представленный в статье, обладает несомненной познавательной ценностью для понимания и современных вызовов. Работа вносит существенный вклад в изучение социально-экономической и криминальной истории Приамурья и Дальнего Востока России.

Статья вводит в научный оборот новые архивные источники. Особенно ценным является использование документов фонда 327 АВПРИ (фонд чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе), которые позволили выявить детали правонарушений и реакций властей, ранее не известные. Автор предлагает четкую и обоснованную типологию преступлений китайских мигрантов (экономические, против личности, нарушения границы, хунхузничество), подкрепляя ее конкретными примерами и статистикой. Работа содержит детальное исследование масштабов, организации, географии и борьбы властей с незаконным производством и распространением опиума китайскими мигрантами в Приамурье, основанное на архивных данных и статистике. Представленные в таблицах редкие статистические данные (особенно по Владивостоку 1893 г. и Хабаровску 1897 г.) о доле и характере преступлений, совершенных китайцами, являются важным вкладом в историографические дискуссии.

Автор убедительно показывает комплекс причин, затруднявших борьбу с преступностью мигрантов (слабость пограничного контроля, дорогоизна легализации, экономические мотивы мигрантов, коррупция, недостаток ресурсов), выходя за рамки простого описания фактов.

Статья отличается четкой и логичной структурой. Стиль изложения научный, соответствующий жанру исторического исследования. Терминология используется корректно. Текст хорошо аргументирован ссылками на источники. Наличие таблиц с оригинальными статистическими данными значительно усиливает доказательную базу и наглядность изложения. Список литературы и источников является несомненным достоинством работы.

Ключевой вывод статьи о том, что рост правонарушений китайских мигрантов был следствием комплекса причин, включая экономические трудности самих мигрантов, отсутствие адекватной правовой защиты их прав, слабость административного и пограничного контроля, а также невмешательство цинских властей, представляется весьма убедительным и хорошо обоснованным. Автор последовательно, на конкретных примерах и данных, демонстрирует действие каждого из этих факторов. Вывод избегает упрощенных трактовок («мигранты – преступники» или «власти – притеснители») и отражает сложную, многогранную природу изучаемого явления. Он логично вытекает из всего проведенного исследования и является его закономерным итогом.

Статья вызовет несомненный интерес у широкого круга специалистов. Статья «О правонарушениях китайских мигрантов и реакции местных властей на территории российского Приамурья в конце XIX – начале XX в.» представляет собой серьезное, новаторское и методически выверенное историческое исследование. Работа обладает

значительной научной новизной, основанной на введении в оборот ценных архивных источников и системном анализе малоизученного аспекта истории китайской миграции на Дальний Восток России. Рекомендую статью к публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».